
Хунчэнь Кэ
Забытый маг

Хунчэнь Кэ

Забытый маг

«Автор»
2026

Кэ Х.

Забытый маг / Х. Кэ — «Автор», 2026

Безымянный старик проснулся в безымянном лесу. Он не помнит ни имени, ни прошлого, ни того, как здесь оказался. Только одно слово, застрявшее в голове, как заноза.Он не знает, кто он. Но мир — знает.Эта история — о нём. И о тех, кого он встретит на своём пути. О наёмнице с магическим пистолетом. О крестьянах, которые шепчут его имя. О королях, которые его боятся. О тех, кто любил его. И о тех, кто его предал.Каково его прошлое? И что будет, когда он его вспомнит?

© Кэ Х., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Запретный лес 7
Глава 2 10
Чаща теней 10
Глава 3 12
Пещера забвения 12
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Хунчэнь Кэ
Забытый маг

Глава 1

Запретный лес

Холод разбудил его раньше, чем память.

Он лежал на боку в сыром мху, и что-то твёрдое давило под лопатку. Хвоя набилась в воротник, в рукав, за пазуху. Он полежал ещё немного, слушая, как где-то высоко, в кронах, возится ветер, и попробовал вспомнить, как здесь оказался.

Ничего.

Не было ни дороги, ни дома, ни лица, которое можно было бы назвать. Он знал, что у него есть имя, потому что у всех есть имя, но имя не приходило. Он знал, что где-то жил, но не помнил ни стен, ни двери, ни того, что стояло на столе.

Он сел и осмотрел себя.

Руки старые. Кожа сухая, в мелких трещинах, ногти обломаны и полны земли. На левом предплечье белел шрам длиной в ладонь, старый, аккуратно заживший, будто от ножа, которым резали не торопясь. На правой ладони мозоль у основания пальцев, твёрдая, как рог. Такая натирается не за месяц.

Он был в грубой рубахе, поверх которой висела ещё одна, чужая, шире и грубее, застёгнутая на две костяные пуговицы. Штаны, стоптанные сапоги, у сапога разошлась строчка. Под головой вместо подушки лежала кожаная сумка, тощая и мягкая, как будто её долго носили пустой.

Он вытряхнул из неё хвою. Внутри был огрызок хлеба, сухой настолько, что по краю пошла зеленца, и большой серый камень размером с кулак. Камень был гладкий, тёплый, будто его долго держали в руке. Он повертел его, посмотрел и положил обратно, не понимая, зачем взял.

Дальше в лесу стоял туман. Он висел между стволов ровным слоем, по грудь, и в нём тонули и палые листья, и корни, выползшие из земли. Стволы здесь были такие, что вдвоём не обхватить, кора в наростах и в сырой чёрной зелени. Пахло мокрым деревом, грибами и чем-то сладковатым, тяжёлым, от чего начинало мутить.

Он встал. Колени отозвались болью, но держали.

Слово всплыло само, когда он сделал первый шаг, и было оно не именем и не названием места. Лилия. Он остановился и повторил про себя: лилия. Слово было ровное и пустое, как монета без чекана, но за него цеплялось всё, что у него осталось. Он не знал, что это, не видел перед собой цветка, не мог бы сказать, пахнет он или нет. Только слово, тёплое, будто сказанное недавно знакомым голосом.

Он пошёл было дальше и понял, что не знает, куда идти.

Тогда он стал смотреть под ноги, потому что земля всегда знает больше, чем человек. Мох здесь был примят широкой полосой; кто-то шёл через подлесок тяжёлый, не разбирая кустов, сломал два тонких ствола и оставил в грязи отпечаток когтей, каждый с палец длиной. Следы шли в одну сторону, а выше, у ствола, лежала кучка помёта ещё свежая, чёрная, с шерстью внутри.

Он долго смотрел на эту кучу, не испытывая ни страха, ни удивления. Мысль была одна, простая и отчётливая: здесь надо уходить.

Он снял с себя чужую рубаху, стянул ею сумку и повесил на плечо покрепче, чтобы не гремело. Потом пошёл, выбирая низкий подлесок, потому что в высокой хвое не видно ни своего шага, ни чужого.

Ручей он нашёл через сотню шагов по звуку. Вода шла чёрная, в двух шагах от берега уже не видно дна. Он опустился на колени и пил из ладоней, а потом остался на четвереньках, разглядывая себя в тёмной воде. Сверху на него смотрел старик. Лицо длинное, обтянутое,

борода короткая и седая, в щетине по щекам, глаза под кустистыми бровями. Он поднял руку и старик поднял. Он открыл рот, чтобы сказать имя, и не нашёл его.

— Лилия, — сказал он вслух.

Голос вышел хриплый, простуженный и незнакомый.

Тогда, впервые за это утро, он испугался. Не когтей на земле и не смрада, а того, что голос свой он узнать не может.

Он напился ещё, вытер лицо рукой и пошёл вдоль ручья вниз, потому что вода всегда выводит к людям или к реке, а на реке есть лодки. Шёл он долго. Лес не менялся: всё та же хвоя, туман по грудь, стволы в зелени. Дважды ему казалось, что между деревьями кто-то стоит и смотрит, и оба раза там оказывался серый камень в рост человека, обросший мохом.

Потом ручей вывел его на поляну, где лес был изломан.

Три дерева лежали вершинами в одну сторону, будто их толкнули разом. Земля перед ними была вспахана, как полоса под огород, и в этой земле отпечатались ноги. Большие.

Он остановился и прислушался.

Впервые за утро в лесу стало тихо. Не спокойно тихо, когда всё молчит, а тихо так, как молчит лес, когда кто-то крупный встал и смотрит.

И тогда за его спиной, шагах в тридцати, затрещал подлесок.

Он обернулся.

Из тумана выходило что-то на четырёх ногах, с длинной головой и обвисшим брюхом, свалявшимся от грязи. Оно шло медленно, но идти быстро ему было не нужно, потому что всё, до чего оно хотело дойти, стояло и смотрело. Тварь подняла голову, и в её горле что-то заработало, мелко и христо, как будто там провернулось колесо.

* * *

Оно бросилось без замаха, сразу с места, и от этого в голове у старика стало пусто и легко. Он не успел ни испугаться, ни отступить. Тело само шагнуло в сторону, а рука поднялась, и в груди, под рёбрами, что-то толкнулось горячим и пошло вниз, в ладонь, как вода из перевёрнутой кружки.

Воздух между ним и тварью стал плотным. Старик не увидел этого, он почувствовал: как будто в лицо дохнуло из печи, а потом что-то ударило, коротко и страшно, и беззвучно смяло тварь пополам.

Её отбросило на ствол. Кора лопнула. Тварь сползла по стволу на землю, дёрнула задней ногой и затихла. Пахло палёной шерстью, и ещё чем-то, от чего у него сразу ослабли колени.

Он стоял и смотрел на свою руку.

Рука была старая, с обломанными ногтями и землёй в трещинах кожи. Никакого огня, никакого свечения. Ладонь чуть саднила, как будто он долго держал её над свечой.

Он поднял руку и направил её на сломанное дерево, на камень, на пустое место. Ничего. Он попробовал ещё раз, сильнее, и почувствовал, как под рёбрами опять шевельнулось тепло, но не поднялось, осталось лежать, где лежало. Тогда он опустил руку.

В лесу было тихо. Ветер в кронах шёл, а здесь, внизу, всё замерло.

Старика вырвало. Он отошёл на несколько шагов, упёрся ладонью в ствол, и его долго, мучительно выворачивало, а после этого он сел прямо на мох и сидел, вытирая рот тыльной стороной руки.

Тварь лежала в трёх шагах. Брюхо у неё разошлось, из него вывалилось что-то бурое. Голова была повёрнута так, как голова повернуться не может.

Он подумал: я не знаю, кто ты. И сразу понял, что это не про тварь.

— Лилия, — сказал он тихо.

Слово легло в тишину и осталось там, ничего не объяснив.

Он поднялся, подобрал свою сумку — она отлетела к кусту, — пересчитал, что в ней есть, и зачем-то полез за пазуху, где лежал гладкий серый камень. Камень был тёплый, как и

утром. Старик сжал его в кулаке, и в груди опять шевельнулось, слабо и коротко, будто кто-то внутри повернулся на другой бок.

— Ладно, — сказал он. Слово ему не понравилось, незнакомое, но другого не было.

Он пошёл вокруг поляны, держась в нескольких шагах от мёртвой твари, и нашёл то, что искал: старую звериную тропу, утоптанную, уходящую вниз по склону. Если ручей выводит к людям, то тропа выводит к ручью.

Он успел сделать шагов двадцать, когда услышал.

Сначала это был треск веток, частый и торопливый, как будто через подлесок ломились, не разбирая дороги. Потом голос, короткий и злой, на одном выдохе. Ему ответил второй, дальше.

Старик остановился. Камень в кулаке стал горячее.

Он не знал, почему идёт туда. Может, из-за того, что чужие голоса в лесу, где он один, — это дорога, а не опасность. Может, просто потому, что хотел увидеть чьё-нибудь лицо, кроме своего.

Он пошёл на голоса, пригибаясь под ветками.

Глава 2

Чаща теней

Голоса он услышал раньше, чем увидел людей, и голосов было три.

Он шёл на них, пригибаясь под ветками, и лес вокруг него менялся: хвоя редела, пошли папоротники, высокие, по пояс, и в них было легко идти и легко спрятаться. Старик остановился за толстым стволом, положил ладонь на холодную кору и посмотрел вперёд, в просвет между деревьями.

Поляна была длинная, вытянутая, как язык. На ней лежало вывернутое дерево, а дальше, у поваленного ствола, стояла женщина.

Она была немолодая. Седая, коротко стриженная, в тёмном дорожном платье и в мужских сапогах, до колена. Стояла она так, как становятся люди, которые знают, что сейчас будет: чуть боком, левая нога вперёд, правая рука поднята.

В руке у неё был пистолет.

Старик таких не видел ни разу в жизни, а памяти у него было ровно одно утро, так что это ничего не значило. Пистолет был короткий и толстый, с гравюрой по стволу, и по гравюре шёл тусклый свет, как будто внутри у него горела свеча.

Против неё стояли трое.

Все в одинаковых кожаных куртках с медными заклёпками, все молодые. У двоих были ножи, у третьего — короткий арбалет, который он держал у бедра, не поднимая.

— Хватит, — сказала женщина. Голос у неё был спокойный и хрипловатый, как у человека, который говорит не в первый раз. — Дальше вы не идёте.

— Ты нам цену назови, — сказал один из тех, что с ножом. — Цену, бабка. Мы люди не гордые.

— Я вам уже назвала. — Женщина не опускала руку. — Дважды.

— Мы не расслышали.

Она усмехнулась.

— Тогда слушайте в третий.

Старик не увидел, что она сделала. Пистолет в её руке дёрнулся, коротко, как кашлянул, и по поляне прошёл свет — не вспышка, а ровная полоса, будто кто-то на миг открыл и закрыл дверь в солнечный день.

Тот, что говорил, упал.

Он не закричал. Просто сложился пополам и лёг лицом в папоротник, и папоротник вокруг него начал темнеть.

Второй, с ножом, прыгнул сразу, не раздумывая, и был уже в двух шагах, когда пистолет кашлянул второй раз. Его отбросило назад, к вывернутому дереву. Он ударился спиной о ствол и сполз по нему на землю, и голова у него осталась поднятой, как будто он всё ещё смотрел.

Третий с арбалетом отступил на шаг. Поднял оружие.

Женщина развернулась к нему, и старик увидел её лицо: узкое, со впалыми щеками, с очень светлыми глазами, в которых не было ни страха, ни злости, а только расчёт.

Она выстрелила в третий раз.

И третий раз не попала.

Пистолет дёрнулся у неё в руке, свет ушёл в сторону, в ствол, и сбил с ветки сук. Арбалет щёлкнул коротко и сухо. Женщину мотнуло назад, она выронила пистолет и села, привалившись к поваленному стволу.

В её правом боку, чуть ниже рёбер, торчал короткий болт с тёмным оперением.

Старик стоял за деревом и не дышал.

Женщина попробовала подняться. Рука у неё шарила по земле, искала пистолет, но не находила: тот лежал в двух шагах, и до него было не достать.

Третий с арбалетом опустил оружие. Он смотрел на неё и на своих мёртвых товарищей и, кажется, только сейчас понял, что остался один.

— Ну вот, — сказал он. Голос у него дрогнул. — Ну вот и всё, бабка. Ну вот и всё.

Он подошёл, наклонился над женщиной, взял её за подбородок и повернул лицо к себе.

— А теперь ты мне скажешь, — проговорил он, — где твои. Все. По одному.

Женщина молчала. Она смотрела не на него.

Она смотрела мимо его плеча, в просвет между деревьями, туда, где за стволом стоял старик.

Третий проследил за её взглядом.

Старик не успел ни отступить, ни спрятаться. Он просто стоял, прижавшись плечом к коре, и смотрел, как молодой отпускает подбородок женщины, выпрямляется и медленно поворачивается к лесу.

— Ещё один, — сказал он, и на этот раз голос у него был почти весёлый.

Он поднял арбалет к плечу.

— Ты откуда, дед? — спросил он. — Из леса, что ли? Тут в лесу живых нет.

Старик не ответил. В нём было пусто, как утром в мху, и только под рёбрами, где жило тепло, что-то очень медленно поднималось, как поднимается вода в колодце.

— А ну-ка, иди сюда, — сказал молодой. — Иди, иди. Не заставляй меня за тобой бегать.

Он сделал шаг вперёд и опустил арбалет, чтобы перезарядить. Руки у него ходили быстро, привычно.

Старик смотрел на болт, который торчал из бока женщины, и на её руку, которая всё ещё шарила по земле.

Глава 3

Пещера забвения

Тепло под рёбрами поднялось и вышло само, без его воли.

Он не протягивал руку. Он вообще ничего не успел сделать: молодой стоял в трёх шагах, поднимал перезаряженный арбалет, и в его лице было что-то почти спокойное, как у человека, который делает тяжёлую работу и уже привык к ней.

Потом между ними стало плотно.

Старик почувствовал, как из груди, откуда-то из-под самой кости, потекла горячая волна, и в воздухе родился короткий, беззвучный толчок. Так бывает, когда рядом, за стеной, падает что-то тяжёлое: ни звука, но всё внутри дома вздрагивает.

Молодого отбросило назад. Он ударился спиной о поваленное дерево, арбалет вылетел у него из рук, и сам он сел на землю, привалившись к стволу, как до него сел его товарищ. Голова у него упала на грудь.

Поляна стала очень тихой.

Старик стоял и слушал, как в нём самом что-то звенит и не хочет затихать. Ладони саднили, будто он держал их над огнём.

— Живой? — спросил он наконец.

Голос вышел чужой, сорванный.

Женщина у поваленного ствола подняла голову. Она смотрела на него долго, потом на мёртвого, потом опять на него.

— Живой, — сказала она. — Ты тоже?

Он посмотрел на себя. Он был цел.

— Иди сюда, — сказала женщина. — Быстро. Пока я не свалилась.

Он подошёл. Болт торчал у неё в боку, и вокруг него расплывалось тёмное пятно, широкое и неправильное. Она дышала часто, короткими глотками, и на губах у неё выступила испарина.

— Вытащишь? — спросила она.

— Я не знаю, как.

— Как есть, так и вытащишь, — сказала она. — Только не дёргай. Возьми обеими руками, у самого бока, и тяни ровно на себя. Понял? Ровно. Не вбок.

Он взял болт обеими руками. Он был тёплый и скользкий.

— Считай до трёх, — сказала женщина. — На трёх тяни.

Он не стал считать. Он потянул сразу, ровно, как она сказала, и женщина вскрикнула негромко, коротко, как отрывисто лает собака, и кровь пошла сильнее.

— Тряпку, — прохрипела она. — В кармане. Рви на полосы.

В её кармане был плотный платок и моток бинта. Он разорвал платок, сложил вчетверо и прижал к ране, потом придавил сверху ладонью, всей тяжестью.

Кровь шла у него между пальцами.

— Пещеру видишь? — спросил он.

— Какую пещеру, старик, — сказала она.

— Над ручьём. — Он сам не знал, откуда это в нём. — Там провал под скалой. Я шёл мимо. Там сухо.

Она подняла на него глаза.

— Ты где такой взялся, — сказала она.

Он подумал, что это не вопрос, и не ответил.

Нести её было тяжело. Она была не тяжёлая — седая, сухая, лёгкая, как ребёнок, — но рукав скользил, и онемевшая нога подламывалась, и он дважды чуть не упал, обходя корни.

— Не уронишь, — сказала она где-то на середине пути. Не спросила: сказала.

Ручей он нашёл по звуку, а пещеру — по тёмному провалу в скале, из которого тянуло холодом. Он заметил её, когда шёл утром, и даже не подумал, а просто запомнил, как запоминают воду или лёжку зверя.

Внутри было сухо и низко. Хватило как раз, чтобы сесть, вытянув ноги.

Там он долго ничего не делал, а только держал ладонь у неё на боку и ждал, когда кровь перестанет идти.

Когда огонь занялся, снаружи было уже темно.

Огниво нашлось у неё за поясом, в плоской кожаной коробочке, вместе с трутом. Старик носил хворост из-за ручья, где рос светлый сушняк, и огонь наконец взялся, и в пещере стало тепло и жёлто.

Она лежала у стены, на его собственной рубахе, вывернутой наизнанку. Он подложил ей под голову сумку, а сверху накрыл чужой, широй рубахой, что была на нём поверх своей.

Рана, когда он её промыл, оказалась не такой страшной, как кровь. Болт вошёл косо, сквозь мясо, не задев ни кости, ни того, что дышит.

Но она не приходила в себя.

Старик сидел рядом и смотрел, как её лицо в свете огня становится то моложе, то старше.

Тогда он сделал то, чего не умел.

Он положил обе ладони ей на бок, туда, где под тряпкой была рана, и закрыл глаза. Он не знал, зачем это делает. Просто ему казалось, что если в нём есть тепло, то его можно отдать.

Тепло было.

Оно поднялось из-под рёбер и пошло в руки, медленно, как патока, и в ладонях стало горячо, а потом очень горячо, и он услышал не звук, а как будто вздох — из её раны, из её тела, из себя самого. Тряпка под его ладонями намокла иначе, чем от крови: тепло и сухо.

Женщина вздохнула.

— Не… — сказала она, не открывая глаз. — Не жги. Довольно.

Он убрал руки. На боку у неё, сквозь разорванную тряпку, виднелось что-то тёмное, стянутое, как будто рана была вчерашняя.

Старик смотрел на свои ладони. Они были чистые.

— Хорошо, — сказала женщина, и голос у неё был слабый, но ровный. — Хорошо. Ты умеешь.

— Я не знал.

— Ну, теперь знаешь.

Она открыла глаза. Светлые, почти прозрачные. Она смотрела на него долго, и он выдержал этот взгляд, потому что отворачиваться было некуда.

— Как тебя звать? — спросила она.

— Не помню.

Она прикрыла глаза. Помолчала.

— Совсем?

— Совсем. Только одно слово. Лилия.

Женщина ничего не сказала. Только чуть повернула голову к огню.

— Я его слышала, — проговорила она. — Когда ты меня нёс. Ты его говорил. И раньше тоже, когда я лежала там. — Она кивнула куда-то назад, в сторону поляны, которую они оставили. — Ты говорил его мне в лицо и держал за подбородок. Я решила, ты меня с кем-то путаешь.

— Не помню.

— Вижу, что не помнишь.

Она помолчала опять, и в пещере стало слышно, как в огне трещит смола.

— Пустой, — сказала она наконец. — У тебя лицо пустое. Как будто в доме умерли все и мебель вынесли.

Старик не обиделся. Он вообще не понимал, что на такое можно обидеться.

— Пехто, — сказала она. — Так тебя буду звать. От слова «пустой». Настоящее не помнишь, а жить как-то надо.

— Пехто, — повторил он.

Слово было короткое и неудобное, но почему-то не царапало. Оно было как новая обувь: жмёт, но ходить можно.

— Пехто, — повторил он ещё раз.

— Вот и хорошо, — сказала женщина. — А я Рона. Просто Рона. Это моё, настоящее, и ты запомни, потому что мне за него уже двадцать лет платят врагами.

Огонь вытянулся и лёг.

— Теперь слушай, — сказала Рона, и голос её стал твёрже. — Я тебя здесь не оставлю, не надейся. У тебя, — она подняла палец, — в голове нет ничего, а в руках — сила, которую ты не умеешь носить, как не умеют носить чужие вещи. Таких находят и убивают. Не потому, что боятся. Потому, что такие дорого стоят.

— Кто находит?

— Те, кто за мной шёл, — сказала она. — И те, кто за ними стоит. И ещё десяток таких же. — Она передохнула. — Тебя будут искать. Не сегодня, так через неделю. И найдут, потому что ты сейчас не знаешь ни дорог, ни людей, ни того, почему нельзя пить из чужого колодца.

Старик молчал.

— Значит, так, — сказала Рона. — Я выведу тебя из леса. Не просто из леса — отсюда и сам выйдешь, дней за пять. Я выведу тебя к людям, к дорогам, к тем, кто может говорить и слушать. И помогу вспомнить. Кто ты, откуда, что за Лилия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.